

эры в истории. Мы видим завершение всей античной цивилизации. Право силы и каприз власти, жестокое еврейское предание и жестокое римское правосудие потеряли для нас свое былое значение. Мы исповедуем новую веру; и когда эта вера - которая и есть наука - станет верою всех ищущих истины, она начнет переходить в свое воплощение, потому что основной закон истории тот, что общество всегда формируется сообразно своему идеалу. Тогда защитники отжившего строя вынуждены будут сдаться. Они утратили свою веру.

Без вожака, без знамени они уже сражаются как попало, наугад. Против новаторов у них есть, конечно, законы и ружья, полицейские с шашками и артиллерийские парки, но всего этого недостаточно, чтобы пересилить идею, - и весь старый порядок, основанный на фантазии правителей и на притеснении, вынужден будет быстро перейти в предание о далеком прошлом.

Конечно, неизбежно подступающая теперь революция, как бы глубоко ни было ее значение в развитии человечества, будет похожа на предыдущие революции в том, что она не представит собою быстрого скачка: в природе их не бывает. Но можно смело сказать, что тысячами передовых явлений, тысячами глубоких совершающихся уже изменений анархическое общество уже давно начало развиваться. Оно проявляется всюду, где свободная мысль сбрасывает с себя путы буквы и догмата, везде, где гений исследователя отрывается от устарелых формул, где воля человека проявляется в независимых поступках, - везде, где люди искренние, возмущившиеся против всякой наложенной на них дисциплины, сходятся по доброй воле, чтобы учиться друг у друга, и без всякого начальства стремятся завоевать свою долю жизни, свое право на удовлетворение своих нужд. Все это - уже анархия, даже тогда, когда она бессознательна, причем, однако, все более и более развивается и сознание. Как же может она не восторжествовать, когда у нее есть свой идеал и смелость воли, тогда как толпа ее противников, уже утратившая веру, дает себя нести судьбе, восклицая: «Ничего не поделаешь: конец века!».

Но так как эти «прекраснодушные» вечно толкуют нам об идеале, то поспешим же их успокоить. Мы настолько материалисты, что мы, действительно, имеем слабость думать о пище, потому что нередко и ее нам недоставало; и недостает ее теперь миллионам наших славянских братьев - подданных русского царя - и многим другим миллионам людей. Но, кроме хлеба и кроме благосостояния и коллективного богатства, которое могла бы нам дать разумная обработка наших полей, мы видим еще, вслед за этим, возникновение целого нового мира - мира, где мы вполне сможем любить друг друга и удовлетворять наши благородные стремления к идеалу, который страстные поклонники красоты, пренебрегающие материальною жизнью, выставляют как неугасаемую жажду их эфирных душ! Когда не будет более богатых и бедных, когда голодному не придется более с завистью взирать на сытого, - тогда настоящая прирожденная дружба сможет вновь развиваться между людьми; и тогда религия взаимности, солидарности - которую всячески заглушают теперь - заступит место той неопределенной религии, которая рисует свои расплывающиеся образы на туманах небесного свода.

Революция не только сдержит свои обещания, но она сделает больше того. Она обновит самые источники жизни, очистивши нас от грязного соприкосновения со всякими видами полиции и избавляя нас от подлой заботы о деньгах, отравляющей наше существование. Тогда - каждый сможет свободно идти по своему собственному пути.